

УДК 811.161.1'373.23

И. Н. Апоненко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся гончара

НАИМЕНОВАНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ В СКАЗКАХ 20–50-х ГОДОВ XX ВЕКА (на материале произведений Б. В. Шергина и С. Г. Писахова)

Розглянуто традиції й новаторство у найменуванні персонажів казок Б. В. Шергіна і С. Г. Писахова.

Ключові слова: власне ім'я, найменування персонажа, семантика, функції імен, казка.

Рассмотрены традиции и новаторство в наименовании персонажей сказок Б. В. Шергина и С. Г. Писахова.

Ключевые слова: собственное имя, наименование персонажа, семантика, функции имен, сказка.

In the article traditions and innovations of the characters' names in fairy-tales by B. V. Shergin and S. G. Pisakhov are considered.

Keywords: proper name, character's name, semantics, names functioning, fairy-tale.

Литературная сказка XX в. синтезировала в себе многовековые традиции народных сказок и опыт авторской сказки предшествующих столетий. Понятие же народно-литературной (или фольклорно-литературной) сказки утвердилось благодаря творчеству писателей-сказителей Б. В. Шергина и С. Г. Писахова. В литературе очень редко встречается тип писателя-сказителя, соединяющего в одном лице два вида словесной культуры – устную и письменную, фольклорную и книжную. В творчестве Писахова и Шергина, выросших и сформировавшихся в близкой социально-бытовой и духовной атмосфере поморского Севера, представлен пример такого взаимодействия литературы с фольклором.

Немногочисленные исследователи их творчества пишут о фольклорной основе сказок писателей, о комическом и сатирическом в произведениях Б. В. Шергина и С. Г. Писахова, о тяготении авторов к традициям скоморошества. К исследованию проблем фольклоризма сказочных произведений Шергина и Писахова обращались в своих статьях С. М. Лойтер («Писатель-сказитель Степан Писахов» [7], «Животворное слово» [6]), Л. В. Овчинникова («Фольклорно-литературные сказки как составная часть отечественного литературного процесса 20–50-х гг. XX в. (Б. В. Шергин)» [10], «Фольклорно-литературные сказки как составная часть отечественного литературного процесса 20–50-х гг. XX в. (С. Г. Писахов)» [9]), И. Н. Райкова («Образ Пушкина в сказках Шергина и народная традиция» [14] и др.). Между тем творчество писателей достаточно мало изучено литературоведами и фольклористами. Язык сказок также не подвергался тщательному исследованию. Можно назвать лишь работу Шамиля Галимова («Волшебный сказочник (Степан Писахов)» [3]), посвященную анализу деривационных компонентов текста рассказов писателя, статью «Приметы духовной культуры русского народа в языке Б. Шергина» [13] и некоторые др., однако авторы этих и других работ к изучению собственных имен не обращались.

Таким образом, особую актуальность в ряду проблем, связанных с рассмотрением фольклорно-литературных сказочных текстов, приобретает вопрос исследования именовании персонажей в них, что и является целью данной статьи. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: описать антропоним-

ное пространство сказок Б. В. Шергина и С. Г. Писахова с учетом отражения традиций и новаторства в употреблении СИ, представит функциональную характеристику наименований персонажей.

Язык сказок Шергина и Писахова богат и многообразен, он вобрал в себя различные оттенки устно-поэтической северной речи. Реально-бытовая и социальная конкретность изображения народной жизни (в том числе и при наименовании персонажей) является центром сказочных произведений Шергина и Писахова.

Сказки исследуемых писателей тяготеют к отражению реального антропонимикона (характерного, в основном, для описываемой в них крестьянской среды), что выражается как в составе имен, так и в представленных народно-разговорных формах. С точки зрения структуры среди анализируемых имен представлены:

1. Одночленные именованья в форме личного имени: *Капитон*, *Аграфена* («Золочены лбы» Б. В. Шергина), *Егор* («Кобыла» Б. В. Шергина), *Маремьяна*, *Улянка* («Ванька Доброй» Б. В. Шергина). *Анисья* («Морожены сказки» С. Г. Писахова), *Митрий* («Железнодорожный первопуток» С. Г. Писахова).

2. Двучленные:

2.1. Имя + отчество: *Аграфена Ивановна* («Ваня Датский» Б. В. Шергина), *Митрий Артамоныч* («Оглушительно ружье» С. Г. Писахова).

2.2. Имя + фамилия: *Ваня Королев* («Золочены лбы» Б. В. Шергина).

Особенностью литературных сказок является то, что они впитывают и сохраняют народные традиции.

Самые разные наименования, часто воспринимаемые нами как типично «сказочные» (такие как *Иван*, *Емеля-дурак*, *Василиса Прекрасная* и т. под.), представлены только в творчестве Б. В. Шергина, например: *Иван* («Ванька Доброй», «Волшебное кольцо»), *Ненила Богатырка*, *Бова Королевич*, *Федька-королек* [в знач. «королевич» – уточ. И. А.] («Данило и Ненила»).

С. Г. Писахов в своих же сказочных произведениях вводит оценочные прозвища, семантика которых часто раскрывается в контексте, что является характерной чертой многих народных сказок. Ср., в народной: «...вышел мальчик из города и пошел дорогою; навстречу ему *Дугиня-богатырь* – хоть какое *дерево*, так в дугу согнет ...» («Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня-богатыри») [1, т. 1, № 142, с. 248]. У Писахова: «Младшему сыну торговля не к рукам была, ему бы песней залиться да плясом завиться. *Все с компанией развеселой время вел* – звали этого молодца *Гулена*» («Как соль попала за границу») [19, с. 351]; «Тетка *Торопыга* попа Сиволдая в гости ждала. *Торопыга второпях* позабыла поросенка выпотрошить... Сама тетка *Торопыга вьется, ног не слышит, рук не видит, вся кипит*» («Поросенок из пирога убежал») [19, с. 303].

Как и в народных сказках, в литературных имена служат не только для именованья и идентификации персонажей, но и, являясь частью художественно-образительной системы, вовлекаются в различные стилистические приемы. Так, Борис Шергин использует в сказке «Шиш и трактирщица» такой сказочный прием, как контекстное обыгрывание имен нарицательных, способствующее правильному, в соответствии с авторским замыслом, прочтению внутренней формы СИ, как бы делая ее более прозрачной: «Ты, – говорит [трактирщица], – молодой человек, везде, чай, бывал, много народу видал, не захаживал ли ты в *Печной* уезд, в село *Сковородкино*, не знавал ли ты господина *Гусева-Жареного*...» [17, с. 212], «Вот дурак мужик! Я ему про *гуся* загадала, а он ничего не понял» [17, с. 213].

Данный контекст не только по сути самого приема, но и по содержанию соотносится с отрывком из народной сказки «Солдатская загадка»: «На ту пору зашли к бабе солдаты – люди дорожные; налила она им щей и говорит: “Загадаю

вам загадку”. – “Какую, бабушка?” – “Доселева *Курлинской-Мурлинской* под Небесинском летал, а в нынешние годы очутился в городе *Печинском*, во селе *Горшинском*”» [1, т. 3, № 393, с. 114–115].

В целом именованія с яркой внутрєнной формою являються одною из характерных особенностей языка сказок, наиболее распространенным стилистическим приемом, к которому обращаются писатели различных эпох, продолжая традиции народных сказок. Рассмотрение наименований персонажей литературной сказки с точки зрения мотивации их выбора авторами, функций этих имен, несомненно, способствует расширению представления о творчестве писателей.

Следование народной, культурной традиции органично объединено в творчестве Б. В. Шергина с представлением о народнопоэтических ценностях в историко-культурной перспективе, в личном переживании. Его сказки, передавая культуру и традиции родного края, во многом основаны на народных поверьях Севера.

Обращение к народной традиции прослеживается и в цикле Б. Шергина «Сказки о Шише». Главный герой этих сказок – *Шиш Московский*. Московское царство, в котором, по-видимому, локализовано действие, положено и в основу наименования персонажа. Однако за конкретной пространственной характеристикой жизни *Шиша* (государство Московское) встают обобщенные фольклорные способы изображения мира и человека (Москва-Русь – весь белый свет). «Веселые сказки и анекдоты о бродяге *Шише*, который обижает богатых и защищает бедных, были распространены в народе с давних времен. Некоторые из них созданы в последние столетия, некоторые в XVII веке, в так называемое смутное время, когда на Руси было много бродяжных людей – беглых крестьян. Жестокие налоги, жестокая барщина заставляли крестьян убегать от помещиков, жечь усадьбы... В северной области России и до сих пор можно услышать от крестьян анекдоты о Шише, о его злых, подчас грубых, шутках, о его веселых проделках над барами», – писал в предисловии к сборнику 1930 г. «Шиш Московский» Б. Шергин [18, с. 3].

Продолжая народные традиции русского фольклора, Шергин дает социальную характеристику героев через их СИ, создает соответствующую образу и авторскому замыслу оценку.

В анекдотической сказке «Кобыла» писатель использует грубую, уничижительную форму обращения к женщине, которая, по неведению одного из героев сказки, перешла в разряд СИ, чем еще раз подчеркивается бесправное положение женщины в обществе: «В бедной деревушке приворотил к старичонку напиток кvasу. Старичонку весь заметался, дочку свою загонял:

– Куда провалилась-то, *кобыла*?..

– Кvasу тащи, *кобыла*!

Государь, на неё глядевши, все глаза растерял.

– Эта бы красавица мне...

– Дед, почему *Кобыла* нейдет нас проводить?» [16, с. 231].

Помимо народно-сказочных приемов, писатель использует и типично литературные: а именно – сравнение героини с литературным персонажем: «Собака подбирает, что дают, а кошчонка расстраивается: “Ванька-то как *Квазимоду* за себя взял!” *Улянка* это услышала и высвистнула Ванькиных друзей под дождик» [16, с. 226].

Через скрытое сравнение с литературным героем (т. е. называя только литературного героя), используя прием антономазии, автор дает опосредованную ха-

рактистичну героїні сказки (а саме її зовнішності), т. к. *Квазімодо*¹ сприймається як синонім безобразної зовнішності.

Борис Шергин називав себе сказочником і считав своєю задачею збереження того народного поетичного багатства, наслідником якого став. Аналіз іменника його творів доводить, що це йому вдалося.

Імя Степана Писахова не рідко і не випадково стоїть поруч з іменем Бориса Шергина. Сказки С. Г. Писахова також створені на основі багатовікової і сімейної традиції сказительства. Звернення до різних форм фольклору і традицій народної культури служить у Писахова створенню оригінальних, самобитних творів. Як вважає С. М. Лойтер, «сказки цього письменника не мають аналогів в художественній практиці: це єдині в своєму роді літературні сказки» [6, с. 108].

Точне жанрове визначення творів С. Г. Писахова було дано Л. В. Овчинниковою – це «сказки-бухтини». «Бухтина – неспроможний жанр в північній усній поезії, що походить до різних традицій» [9, с. 13]. А як зауважує В. Белов, «фантазія заливальщика бухтин повністю розкріпощена. Вона нагадує і паясничанье скомороха, вільного від всіх умовностей, і видиму бессмыслицу юродивого» [2, с. 278]. Тому бухтина має загальні риси і з сказкою, і з бувальщиною, і з анекдотом. «Це народний анекдот, сюжетна жартівка, в якій здоровий сенс перевернуто наизнанку» [2, с. 277].

Кожна сказка С. Г. Писахова представлена як згадка, веселий випадок з життя оповідача *Сени Малини*, який одночасно є і героєм. Примітно те, що образ цього героя мав реального прототипа. Імя героя не вигадано. В селі Уйма під Архангельськом дійсно жив сказочник Семен Михайлович Кривоногов, по прозвіщу Малина. «С Сенею Малиною, – пише Степан Писахов, – я познайомився в 1928 році. ... Чтє пам'ять безсвітних північних сказителів – моїх сородичів і земляків, я свої сказки веду від імені Сени Малини» [8, с. 24].

Сатирична сторона сказок Писахова пов'язана, перш за все, з фігурою попа *Сиволдая*, який з'являється в сказках то як головний персонаж, то як епізодична особа, але завжди з метою осміяння. Цьому сприяє і його ім'я, виникле з нарицательного «сиволдай». У В. І. Даля: «Сиводер, сивалдай, сивопляс, сивуха ... хлібне жидке, дурне вино з пригарью; сиволдай, сиводай ... бранно: неуклюжий, грубий чоловік» [5, т. 4, с. 181]. В «Етимологічному словнику російської мови» А. Преображенського «сиволдай» – «то ж, що сивуха, сивушний запах, смак» [12, т. 2, с. 435].

Виявлення семантики доантропонімічного значення оніма можна виявити в різних сказочних ситуаціях, наприклад: «Поп *Сиволдай* вдихнув сумно. Народ думав, що гріх кручинею, а поп з ранку поїв і *обтіся*...» («Проповідь попа Сиволдая») [19, с. 334]; «Поп *Сиволдай* до тещі Бутені повернувся. Діло у попа одне – як би чого поїсти да *попить*» («Попинкубатор») [19, с. 332]. Створенням відричного ставлення до попа через його назву С. Г. Писахов продовжує традицію відображення в фольклорних текстах, наприклад прислів'ях (*Не бери у попа гроші в борг: у зазирливого рука важка*) [4, с. 175]; *Утиного зоба не залечить; Попового живота не наб'єшь* [4, с. 187]), негативного сприйняття народом представників церкви.

¹ *Квазімодо* – персонаж роману В. Гюго «Собор Паризької богородиці». Е. С. Отин в «Словнику коннотативних власних імен» відносить *Квазімодо* до візуальних коннотативних антропонімів, відомих в ряду мов і дає наступне значення оніма: «1. Дуже некрасивий, відкинутий вигляд людини. 2. Людина, викликає антипатію, відразу» [11, с. 195].

В сказке «Железнодорожный первопуток» писатель, используя новые приемы именованія персонажей, вводит «связанные личные имена» (Н. В. Подольская): «Было это в девяносто... в том самом году, в кольком старосты *Онисима* жена пятерню принесла и имя дала им всем на одну букву – на «мы». *Митрий*, *Миколай*, *Микифор*, *Микита* да *Митрофан*. А опосля солдатчины староста *Онисим* пять свадеб одним похмельем справил» [19, с. 327].

Многие женские имена в сказках писателя являются андронимами и образованы суффиксальным способом при помощи **-их(а)-** (*Сиволдай* → *Сиволдаиха*, *Малина* → *Малиниха*, *Капустиха*, *Сахариха*, *Перепелиха*). Это характеризует особенность стилия сказок Писахова, создававшего их в народных «смеховых» традициях, не имеющих аналогов в художественной практике.

В сказках Степана Писахова один и тот же герой – *Малина* – является участником разных исторических событий, относящихся к разным эпохам, что указывает на недостоверность происходящего, на сказку:

«– *Мамай*, известно было, басурманин был, и жон у его цельно стадо было, все жоны как бы двоуродны, а настояшша одна – *Мамаиха*...

– Даже *Мамайка*, – это я *Мамая* так звал, – сказывал не однажды:

– И молодец ты, *Малина*, песни тянуть» («*Мамай*») [19, с. 324–325].

«– Это что за война! Вот ковды я [*Малина*] с *Наполеоном* воевал!

– С *Наполеоном*?

– Ну, с *Наполеоном*. Да я его тихим манером выпер из Москвы» («*Наполеон*») [19, с. 323].

Данный стилистический прием не зафиксирован ни в одной народной сказке, поэтому его можно считать новшеством сказки литературной.

Как русское литературное явление сказки Степана Писахова в своем роде уникальны. Основа его художественного метода – игровая выдумка, что, конечно, отразилось и на языке сказок.

Наблюдения над функционированием именованій в сказках Б. В. Шергина и С. Г. Писахова показывают, что обращение писателей к сказочным сюжетам фольклора и предшествующей литературы позволяет использовать именованія в различных функциях:

1. *Номинативная функция* (присуща всем именам).

2. *Функция социальной легализации*: *Федька-королек* [от король – уточ. И. А.] («*Данила и Ненила*» Б. В. Шергина), *староста Онисим* («*Железнодорожный первопуток*» С. Г. Писахова).

3. В *экспрессивной функции* представлены имена с различными суффиксами субъективной оценки: *Романушко* («*Сказка о дивном гудочке*» Б. В. Шергина), *Данилушко*, *Агнюшка* («*Данило и Ненила*» Б. В. Шергина) *Мамайка* («*Мамай*» С. Г. Писахова).

4. *Фатическая функция*. Борис Шергин в сказке «*Ваня Датский*» использует прием переименования: «А *Иванушко* за эти годы десять раз сходил в кругосветное плаванье. В Дании у него жена, народилось трое детей» [15, с. 32]; «Жена с плачем собирала *Ваню* в путь: “Ох, *Джон*! Узнает тебя мать – останешься ты там...”» [15, с. 33].

Смена русского имени *Иван* (*Иванушка*, *Ваня*) на его английский вариант – *Джон*, указывает на параллельное употребление данного онима, что связано с изменением местонахождения героя: Россия – Дания.

В тексте сказки также самим автором объясняется происхождение фамилии героя: «Графенины внуки-правнуки и сейчас живут на Севере, на Руси. По имени *Вани*, который в *Данию* бегал, и фамилия их – *Датские*» [15, с. 35].

5. *Ритмическая функция*. Литературная сказка начала XX века, которая в своей основе – прозаическая, имеет в качестве вкраплений в прозаические тексты поэтические отрывки. Например, в сказке Б. В. Шергина «Шиш складывает рифмы»: «Я твоего *Кузьму* / За бороду *возьму!*...» [16, с. 254].

6. *Аллюзивная функция*.

6.1. Включение имен исторических лиц в систему внесюжетных персонажей сказок (*Мамай, Наполеон*) в сказках Степана Писахова.

6.2. Введение онима, выступающего в функции косвенной характеристики действующего лица. В сказке Б. В. Шергина «Ванька Доброй» героиню по имени *Улянка* сравнивают с литературным персонажем *Квзимодо*. Таким образом, *СИ Квзимодо* выступает как наименование, временно «заменяющее» в контексте сказки подлинное название персонажа и выступающее в качестве характерологической функции.

Следует отметить, что Б. В. Шергин и С. Г. Писахов, опираясь на устно-поэтические традиции, находят новые сказочно-жанровые формы, новые способы употребления и введения антропонимов в сказочные тексты, что еще раз подчеркивает литературное происхождение их произведений:

1) циклизация сказок («Сказки о Шише» Б. В. Шергина) и, как следствие, введение сквозных героев: *Шиш* (Б. В. Шергин), *Малина*, *Сиволдай* (С. Г. Писахов);

2) введение героя-рассказчика, имеющего реального прототипа (*Сеня Малина* в сказках С. Г. Писахова);

3) использование стилистической несовместимости разных компонентов, что является проявлением сказочности имен (совмещение имен героев из разных исторических эпох: *Малина* и *Наполеон*, *Малина* и *Мамай* у С. Г. Писахова);

4) употребление имен в различных функциях при актуализации аллюзивной, что является проявлением литературности сказок анализируемых писателей.

Творчество Б. В. Шергина и С. Г. Писахова развивает и продолжает народные и предшествующие литературные традиции, в том числе и ономастические, при этом писатели создают свои неповторимые, авторские приемы наименования сказочных персонажей.

Перспективой дальнейшего исследования в данном направлении является изучение всего состава собственных имен в сказках писателей-сказителей Б. В. Шергина и С. Г. Писахова.

Библиографические ссылки

1. **Афанасьев А. Н.** Народные русские сказки: в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М. : Наука, 1985.
Т. 1. – 1985. – 512 с.
Т. 3. – 1985. – 496 с.
2. **Белов В. И.** Лад. Очерки о народной эстетике / В. И. Белов. – Л. : Лениздат, 1984. – 349 с.
3. **Галимов Шамиль.** Волшебный сказочник (Степан Писахов) / Шамиль Галимов // Чувство времени. – Архангельск : Северо-Западное книжное изд-во, 1966. – С. 9–36.
4. **Даль В. И.** Пословицы русского народа : в 2 т. / В. И. Даль. – М. : Худож. лит. – Т. 2. – 1984. – 399 с.
5. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. – Т. 4. – 684 с.
6. **Лойтер С.** Животворное слово / С. Лойтер // Север. – 1986. – № 3. – С. 105–109.
7. **Лойтер С. М.** Писатель-сказитель Степан Писахов / С. М. Лойтер // Творческая индивидуальность писателя и фольклор : сб. науч. трудов. – Элиста, 1985. – С. 130–138.
8. **Овчинникова Л. В.** Русская литературная сказка XX века. История, классификация, поэтика: [учебное пособие] / Л. В. Овчинникова. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 312 с.

9. **Овчинникова Л. В.** Фольклорно-литературные сказки как составная часть отечественного литературного процесса 20–50-х гг. XX в. (С. Г. Писахов) / Л. В. Овчинникова // Русская словесность. – 2002. – № 8 – С. 11–17.
10. **Овчинникова Л. В.** Фольклорно-литературные сказки как составная часть отечественного литературного процесса 20–50-х гг. XX в. (Б. В. Шергин) / Л. В. Овчинникова // Русская словесность. – 2002. – № 3 – С. 15–20.
11. **Отин Е. С.** Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – Донецк : ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004. – 412 с.
12. **Преображенский А. Г.** Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / А. Г. Преображенский. – М. : Госиниздат, 1959. – Т. 2. – 1284 с.
13. Приметы духовной культуры русского народа в языке Б. Шергина : / Режим доступа: http://www.literary.ru/literary.ru/print.php?subaction=showfull&id=1207132035&archive=1207225892&start_from=&ucat=& – Заголовок с экрана.
14. **Райкова И. Н.** Образ Пушкина в сказках Шергина и народная традиция : [Электронный ресурс] / И. Н. Райкова. – Режим доступа : http://www.centrfolk.ru/edition/publication_online/publication_collection/370/ – Заголовок с экрана.
15. **Шергин Б.** Ваня Датский / Б. В. Шергин // Литература в школе. – 1996. – № 2. – С. 32–35.
16. **Шергин Б. В.** Изящные мастера / Б. В. Шергин. – М. : Молодая гвардия, 1989. – 430 с.
17. **Шергин Б.** Поморщина-небывальщина / Б. В. Шергин. – М. : Сов. писатель, 1947. – 244 с.
18. **Шергин Б. В.** Шиш Московский / Б. В. Шергин. – М., 1930.
19. **Шергин Б. В.** Сказы и сказки / Б. В. Шергин, С. Г. Писахов. – М. : Современник, 1985. – 365 с.

Надійшла до редколегії 18.02.11

УДК 811.112.2'38

Е. Е. Берестень

Днепропетровский университет экономики и права имени Альфреда Нобеля

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКИХ БАСЕН Г. Э. ЛЕССИНГА

Проаналізовано основні лінгвостилістичні особливості поетичних байок Г. Е. Лессинга; виявлено загальні мовні, стилістичні та структурні риси, притаманні раннім творам німецького байкаря.

Ключові слова: байка, особливості, мораль, експозиція, іронія, сатира, повтор, епітет.

Проанализированы основные лингвостилистические особенности поэтических басен Г. Э. Лессинга; выявлены общие языковые, стилистические и структурные черты, характерные для ранних произведений немецкого баснописца.

Ключевые слова: басня, особенности, мораль, экспозиция, ирония, сатира, повтор, эпитет.

This article attempts to analyze the main linguostylistic peculiarities of poetic fables of G. E. Lessing. The author exposes general linguistic, stylistic and structural features, typical for early works of the German fable writer.

Keywords: fable, peculiarities, moral, exposition, irony, satire, repetition, epithet.

Басенное наследие Готхольда Эфраима Лессинга является по сей день малоизученной темой как в отечественной, так и в зарубежной науке. Этот факт обуславливает актуальность нашего исследования. Среди отечественных специалистов отметим авторов, которые обращались в своих исследованиях либо к анализу особенностей басен Лессинга, либо к его просветительской теории басни.